

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal "Steppe Panorama"
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 3135-8055.
Vol. 13. Is. 5, pp. 1410-1425, 2026
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

IRSTI / FTAXP / MPHTI 03.20
https://doi.org/10.51943/3135-8055_2026_13_5_1410-1425

BEKBOLAT ASHEKEEV: LEADER, DEFENDANT, AND SYMBOL

Bizhigitova Karlygash S. ^{1*}, Serkenova Saniya S. ², Jampeissova Zhanar M. ³

¹Kenzhegali Sagadiyev University of International Business
(8A, Abay Avenue, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
 <https://orcid.org/0000-0002-1076-5213>. E-mail: bizhigitova.k@uib.kz

*Corresponding author

² Kenzhegali Sagadiyev University of International Business
(8A, Abay Avenue, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Master of Science, Senior Lecturer
 <https://orcid.org/0009-0004-8366-9195>. E-mail: serkenova_ss@mail.ru

³ Astana IT University
(55/11, Mangilik El Avenue., 0103000 Astana, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
 <https://orcid.org/0000-0002-1296-8436>. E-mail: Zhanar.Dzhampeissova@astanait.edu.kz

© Valihanov IHE, 2026

© Bizhigitova K.S., Serkenova S.S., Jampeissova Zh.M., 2026

Abstract. Introduction. The National Liberation Uprising of 1916 was one of the most significant events in the history of Kazakhstan and the peoples of Central Asia in the early twentieth century. Although considerable scholarly attention has been devoted to the causes, course, and consequences of the uprising, the personalities of its leaders have less frequently become the subject of independent research. In this regard, particular attention should be paid to Bekbolat Ashekeev, one of the leaders of the uprising of the Kazakh population of the Dzhaikyshev volost of Verny district in Semirechye.

Purpose and Objectives. The purpose of this article is to provide a comprehensive analysis of Bekbolat Ashekeev as a leader of the uprising, a defendant in the colonial judicial process, and a symbolic figure of historical memory. To achieve this goal, the study reconstructs key biographical information about Ashekeev, examines his role in the events of 1916, analyzes materials from investigative case No. 510, and identifies the mechanisms that contributed to the formation of his image in Soviet and post-Soviet historical memory. The source base includes materials from investigative case No. 510, published documents, memoirs of participants, and scholarly literature. The study employs historical-biographical, comparative, source-critical, and microhistorical approaches.

Results. The research demonstrates that Ashekeev's leadership was based on his social authority, administrative experience, and position within the local community. A comparative analysis of the interrogation records dated August 18 and September 2, 1916, suggests a possible shift in the defendant's position under the changing conditions of the colonial investigation; this interpretation remains probabilistic because the records are not verbatim transcripts. The study also shows that Ashekeev's image as one of the leaders of the uprising was shaped not only by the events of 1916

themselves but also by subsequent processes of memorialization, including Soviet memory politics, participants' memoirs, and literary representations.

Conclusion. The study makes it possible to view Bekbolat Ashekeev simultaneously as a leader of the uprising, a defendant in the colonial judicial process, and a symbol of historical memory. Such an approach contributes to a deeper understanding of his role in the events of 1916 and the mechanisms through which a historical personality is transformed into a symbol of national memory.

Keywords: Bekbolat Ashekeev, 1916 Uprising, Semirechye, colonial policy, investigative case No. 510, historical memory, microhistory.

For citation: Bizhigitova K.S., Serkenova S.S., Jampeissova Zh.M. Bekbolat Ashekeev: leader, defendant, and symbol // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Vol. 13. No. 5. Pp. 1410–1425. (In Rus.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1410-1425

БЕКБОЛАТ ӘШЕКЕЕВ: КӨТЕРІЛІС КӨСЕМІ, АЙЫПТАЛУШЫ, ТАРИХИ ЖАД СИМВОЛЫ

Бижигитова Қарлығаш Сабырқызы^{1*}, Серкенова Сәния Серікқызы², Джампеисова Жанар Махметқызы³

¹Кенжеғали Сағадиев атындағы Халықаралық Бизнес университеті
(Абай даңғылы 8А, 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)

Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

 <https://orcid.org/0000-0002-1076-5213>. E-mail: bizhigitova.k@uib.kz

*Автор-корреспондент

²Кенжеғали Сағадиев атындағы Халықаралық Бизнес университеті
(Абай даңғылы 8А, 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)

Магистр, аға оқытушы

 <https://orcid.org/0009-0004-8366-9195>. E-mail: serkenova_ss@mail.ru

³Astana IT University

Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессорі

(Мәңгілік Ел даңғылы 55/11-үй, 0103000 Астана, Қазақстан Республикасы)

 <https://orcid.org/0000-0002-1296-8436>. E-mail: Zhanar.Dzhampeisova@astanait.edu.kz

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026

© Бижигитова Қ.С., Серкенова С.С., Джампеисова Ж.М., 2026

Аңдатпа. *Kipicne.* 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс Қазақстан мен Орталық Азия халықтарының XX ғасыр басындағы тарихындағы аса маңызды оқиғалардың бірі болып табылады. Көтерілістің себептері, барысы мен салдарына арналған зерттеулер саны көп болғанымен, оның жетекшілерінің тұлғалары дербес ғылыми зерттеу нысаны ретінде сирек қарастырылды. Осы тұрғыдан алғанда, Жетісу облысы Верный уезі Жайылмыш болысындағы қазақ халқы көтерілісінің көсемдерінің бірі Бекболат Әшекеевтің тұлғасы ерекше қызығушылық тудырады. *Мақсаты мен міндеттері.* Мақаланың мақсаты – Бекболат Әшекеевтің тұлғасын көтеріліс көсемі, отарлық сот процесінің айыпталушысы және тарихи жадтың символдық бейнесі ретінде кешенді түрде талдау. Осы мақсатқа жету үшін Әшекеевтің өмірбаянының негізгі қырларын қайта қарастыру, оның 1916 жылғы оқиғалардағы рөлін анықтау, №510 тергеу ісінің материалдарын талдау және кеңестік әрі посткеңестік тарихи жадта қалыптасқан бейнесінің ерекшеліктерін айқындау міндеттері қойылды. Зерттеудің деректік негізін №510 тергеу ісінің материалдары, жарияланған құжаттар, көтеріліске қатысушылардың естеліктері және ғылыми әдебиеттер құрайды. Зерттеуде тарихи-биографиялық, тарихи-салыстырмалы, деректанулық және микротарихи әдістер қолданылды. *Нәтижелері.* Зерттеу нәтижесінде Бекболат Әшекеевтің көшбасшылығы оның

қоғамдық беделіне, басқарушылық тәжірибесіне және жергілікті қауымдағы орнына негізделгені анықталды. 1916 жылғы 18 тамыз бен 2 қыркүйектегі жауап алу хаттамаларын салыстыру отарлық тергеудің өзгерген жағдайында айыпталушы ұстанымының өзгеруі мүмкін екенін көрсетеді; хаттамалар сөзбе-сөз жазба болмағандықтан, бұл тұжырым болжамдық сипатта берілді. Сонымен қатар Әшекеев бейнесінің көтеріліс көсемі ретінде қалыптасуы тек 1916 жылғы оқиғалармен ғана емес, кеңестік жады саясатының, қатысушылар естеліктерінің және көркем әдебиеттің ықпалымен жүзеге асқан мемориализация үдерістерімен де байланысты екені көрсетілді. *Қорытынды.* Жүргізілген зерттеу Бекболат Әшекеевті бір мезгілде көтеріліс көсемі, отарлық сот процесінің айыпталушысы және тарихи жад символы ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Мұндай тәсіл оның 1916 жылғы оқиғалардағы орнын тереңірек түсінуге және тарихи тұлғаның ұлттық жад символына айналу тетіктерін айқындауға жағдай жасайды.

Түйін сөздер: Бекболат Әшекеев; 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс; Жетісу; отарлық саясат; №510 тергеу ісі; тарихи жад; микротарих

Дәйексөз үшін: Бижигитова Қ.С., Серкенова С.С., Джампеисова Ж.М. Бекболат Әшекеев: көтеріліс көсемі, айыпталушы, тарихи жад символы // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Т. 13. № 5. 1410–1425 бб. (Орыс.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1410-1425

БЕКБОЛАТ АШЕКЕЕВ: ЛИДЕР, ОБВИНЯЕМЫЙ, СИМВОЛ

Бижигитова Карлыгаш Сабыровна^{1*}, Серкенова Сания Сериковна², Джампеисова Жанар Махметовна³

¹ Университет Международного Бизнеса имени Кенжегали Сагадиева
(проспект Абая 8А, 050010, Алматы, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, доцент

 <https://orcid.org/0000-0002-1076-5213>. E-mail: bizhigitova.k@uib.kz

* Автор-корреспондент

² Университет Международного Бизнеса имени Кенжегали Сагадиева
(проспект Абая 8А, 050010, Алматы, Республика Казахстан)

Магистр, старший преподаватель

 <https://orcid.org/0009-0004-8366-9195>. E-mail: serkenova_ss@mail.ru

³ Astana IT University

(проспект Мангилик Ел, д. 55/11, 0103000 Астана, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0002-1296-8436>. E-mail: Zhanar.Dzhampeisova@astanait.edu.kz

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026

© Бижигитова К.С., Серкенова С.С., Джампеисова Ж.М., 2026

Аннотация. Введение. Национально-освободительное восстание 1916 года является одним из ключевых событий в истории Казахстана и народов Центральной Азии начала XX века. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных причинам, ходу и последствиям восстания, личности его руководителей значительно реже становились самостоятельным объектом научного анализа. Особый интерес в этом отношении представляет фигура Бекболата Ашекеева – одного из лидеров выступления казахского населения Джаильмышевской волости Верненского уезда Семиреченской области. *Цель и задачи.* Целью статьи является комплексный анализ личности Бекболата Ашекеева как лидера восстания, обвиняемого в ходе колониального судебного процесса и символической фигуры исторической памяти. Для достижения поставленной цели были поставлены задачи по реконструкции основных биографических сведений об Ашекееве, определению его роли в

событиях 1916 года, анализу материалов следственного дела № 510 и выявлению особенностей формирования его образа в советской и постсоветской исторической памяти. Источниковую основу исследования составили материалы следственного дела № 510, опубликованные документы, воспоминания участников событий и научная литература. В работе использовались историко-биографический, историко-сравнительный, источниковедческий и микроисторический подходы. *Результаты.* Установлено, что лидерство Бекболата Ашекеева основывалось на его общественном авторитете, административном опыте и положении в местном сообществе. Сопоставление протоколов допросов от 18 августа и 2 сентября 1916 года позволяет предположить изменение позиции обвиняемого в изменившихся условиях колониального следствия; данная интерпретация носит вероятностный характер, поскольку протоколы не являются буквальной записью его речи. Исследование показало, что образ Ашекеева как одного из руководителей восстания формировался не только под влиянием реальных событий 1916 года, но и в результате последующей мемориализации, включавшей советскую политику памяти, воспоминания участников восстания и художественную литературу. *Заключение.* Проведенное исследование позволяет рассматривать Бекболата Ашекеева одновременно как лидера восстания, обвиняемого колониального судебного процесса и символ исторической памяти. Такой подход способствует более глубокому пониманию его роли в событиях 1916 года и механизмов трансформации исторической личности в символ национальной памяти.

Ключевые слова: Бекболат Ашекеев; восстание 1916 года; Семиречье; колониальная политика; следственное дело № 510; историческая память; микроистория.

Для цитирования: Бижигитова К.С., Серкенова С.С., Джампеисова Ж.М. Бекболат Ашекеев: лидер, обвиняемый, символ // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Т. 13. № 5. С. 1410–1425. (На Рус.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1410-1425

Введение

Национально-освободительное восстание 1916 года относится к числу наиболее значимых событий в истории народов Центральной Азии начала XX в. Массовые выступления населения Туркестанского края против мобилизации на тыловые работы стали кульминацией длительного кризиса колониальной политики Российской империи в Центральной Азии. Причины, ход и последствия восстания получили широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии.

Вместе с тем личности руководителей восстания значительно реже становились самостоятельным объектом исследования. В отношении Бекболата Ашекеева основное внимание исследователей было сосредоточено на его роли в организации сопротивления и месте в истории восстания 1916 года. Значительно меньше внимания уделялось анализу его собственных свидетельств, особенностям поведения в условиях колониального следствия и процессам формирования его образа в исторической памяти.

В отечественной историографии Бекболат Ашекеев традиционно рассматривается как руководитель выступления казахского населения Джайлымышевской волости Верненского уезда Семиреченской области и один из наиболее известных участников событий 1916 года. Однако обращение к архивным документам позволяет увидеть не только героя исторической памяти, но и реального человека, действовавшего в конкретных обстоятельствах колониального кризиса.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения механизмов формирования лидерства в условиях колониального кризиса, а также процессов конструирования исторической памяти о событиях 1916 года. Рассмотрение личности Бекболата Ашекеева позволяет проследить, каким образом локальный лидер сопротивления становится объектом судебного преследования, а впоследствии – одной из наиболее известных фигур национального исторического нарратива.

Особую ценность для изучения личности Ашекеева представляют материалы следственного дела № 510 «О восстании казахов Джайлымышевской волости в 1916 г.»,

содержащие документы судебного процесса, свидетельские показания и два протокола допросов самого Бекболата Ашекеева от 18 августа и 2 сентября 1916 года. Эти источники позволяют рассмотреть не только обстоятельства восстания, но и особенности саморепрезентации его руководителя в условиях колониального следствия, а также проследить процесс трансформации исторической личности в символическую фигуру коллективной памяти.

Объектом исследования является личность Бекболата Ашекеева в контексте национально-освободительного восстания 1916 года в Семиречье. Предмет исследования составляют особенности репрезентации Ашекеева в архивных документах, исторической литературе и коллективной памяти.

Цель статьи заключается в анализе личности Бекболата Ашекеева как лидера восстания, обвиняемого в ходе колониального судебного процесса и символической фигуры исторической памяти. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: реконструировать основные биографические сведения об Ашекееве; определить его роль в организации и развитии восстания 1916 года; проанализировать материалы его допросов в контексте колониального следствия; выявить особенности формирования образа Ашекеева в советской и постсоветской исторической памяти.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении личности Бекболата Ашекеева через призму трех взаимосвязанных образов – лидера восстания, обвиняемого и символа. В отличие от большинства предшествующих исследований, сосредоточенных преимущественно на событиях восстания или героизации его участников, настоящая работа обращается к анализу персональных свидетельств самого Ашекеева и механизмов формирования его образа в исторической памяти.

Материалы и методы

Источниковую основу исследования составляют материалы архивного дела № 510 «О восстании казахов Джаильмышевской волости Верненского уезда в 1916 г.», хранящегося в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Особую ценность представляют протоколы допросов Бекболата Ашекеева от 18 августа и 2 сентября 1916 года, позволяющие реконструировать не только обстоятельства восстания, но и особенности восприятия происходящих событий самим участником. В работе использованы также опубликованные документы, воспоминания современников, материалы периодической печати, художественные произведения и исследования отечественных и зарубежных авторов, посвящённые восстанию 1916 года.

Существенное значение для исследования имеют воспоминания участников событий, собранные в советский период, а также литературные произведения, посвящённые восстанию. Несмотря на ограниченную фактическую достоверность отдельных мемуарных и художественных источников, они позволяют проследить процессы формирования исторической памяти и трансформации образа Бекболата Ашекеева в советском и постсоветском общественном сознании.

При анализе личности Бекболата Ашекеева использованы элементы микроисторического подхода, разработанного представителями итальянской исторической школы, прежде всего Карло Гинзбургом (Гинзбург, 2000). Микроистория позволяет рассматривать крупные исторические процессы через судьбу отдельного человека, выявляя взаимосвязь между индивидуальным опытом и более широкими социально-политическими явлениями. В данном случае фигура Бекболата Ашекеева выступает своеобразной точкой пересечения локальной истории Джаильмышевской волости, колониальной политики Российской империи и национально-освободительного движения 1916 года.

В ходе исследования применялись историко-биографический, историко-сравнительный и источниковедческий методы. Историко-биографический метод использовался для реконструкции жизненного пути и общественной деятельности Ашекеева. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить содержание двух протоколов допросов и выявить особенности изменения позиции допрашиваемого в различных следственных

обстоятельствах. Источниковедческий анализ был направлен на выявление информативных возможностей следственных документов как источников по истории восстания и личности его участников.

Особое внимание уделялось критическому прочтению следственных материалов. Протоколы допросов рассматриваются не только как юридические документы, но и как тексты, созданные в условиях колониального судебного производства, где показания формировались под воздействием следственной практики, ожиданий представителей власти и стратегии поведения самого обвиняемого. Такой подход позволяет использовать материалы дела не только для реконструкции событий, но и для изучения механизмов формирования образа Бекболата Ашекеева как лидера восстания, обвиняемого и впоследствии символической фигуры исторической памяти.

При анализе воспоминаний и литературных произведений использовались элементы дискурсивного подхода, позволяющие рассматривать данные тексты не только как источники информации о прошлом, но и как свидетельства процессов мемориализации и конструирования коллективной памяти. Это особенно важно для понимания того, каким образом в советский и постсоветский периоды происходила символизация фигуры Бекболата Ашекеева и её включение в национальный исторический нарратив.

Обсуждение

Личность Бекболата Ашекеева на протяжении длительного времени рассматривалась преимущественно в контексте истории национально-освободительного восстания 1916 года. В дореволюционных документах колониальной администрации и материалах следствия он фигурировал прежде всего как один из организаторов вооруженного сопротивления и главный виновник событий в Джайлымышевской волости. После вынесения смертного приговора его имя стало символом подавленного выступления, а сам он был представлен в официальном дискурсе как «главарь бунтовщического движения киргиз» (Киреев, Шафири, 1947: 133).

В советской историографии Бекболат Ашекеев рассматривался как один из руководителей восстания 1916 года, его имя упоминалось в школьных учебниках, обобщающих трудах по истории Казахстана и исследованиях, посвященных восстанию, наряду с другими известными лидерами движения, такими как Амангельды Иманов (Бекмаханов, Бекмаханова, 1973: 18–19; История Казахской ССР, 1979: 444–445; Козыбаев, Бекмаханова, 1991: 43–44). Значительный вклад в изучение материалов судебного процесса внес Г. Сапаргалиев. В монографии «Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.)» (Сапаргалиев, 1966: 218–227) автор впервые ввёл в научный оборот ряд материалов следственного дела о восстании в Джайлымышевской волости и подробно осветил деятельность царских карательных органов, а также обстоятельства судебного преследования участников восстания. Вместе с тем основное внимание исследователя было сосредоточено на репрессивной политике колониальной администрации, тогда как личность самого Ашекеева оставалась на втором плане.

В постсоветский период интерес к восстанию 1916 года заметно возрос. В работах М. Козыбаева, К. Нурпеисова и других исследователей Бекболат Ашекеев окончательно закрепился в ряду наиболее известных руководителей восстания 1916 года. В этих публикациях он рассматривается преимущественно как организатор сопротивления мобилизационной политике царской администрации и один из символов антиколониального движения казахского народа (Нурпеисов, 1993; Козыбаев, Бекмаханова, 1991).

Важное значение для дальнейшего изучения восстания имела публикация документального сборника «Грозный 1916 год» под редакцией М. Козыбаева (Алматы, 1998). В первый том издания были включены два протокола допросов Бекболата Ашекеева, что сделало данные документы доступными для широкого круга исследователей и способствовало дальнейшему изучению личности руководителя восстания (Грозный 1916 год, 1998: 49–50, 54–57).

Среди специальных исследований следует отметить статью Ш. Тилеубаева (Тілеубаев, 2013: 22–27), посвящённую руководителям восстания 1916 года в Семиречье. На основе архивных материалов автор рассматривает деятельность Жаменке Мамбетова, Сята Ниязбекова и Бекболата Ашекеева, уделяя основное внимание их роли в организации сопротивления царской мобилизационной политике. Вместе с тем исследование носит преимущественно событийный характер и сосредоточено на реконструкции хода восстания, тогда как вопросы личности Ашекеева и особенности формирования его образа остаются вне рамок специального анализа.

Новый этап в изучении данной темы связан со статьей Д. А. Рахимкулова (Рахимкулов, 2024: 150–171), специально посвященной восстанию под руководством Бекболата Ашекеева. На основе материалов архивного дела № 510 автор реконструирует основные этапы движения, деятельность его руководителя и значение восстания в истории национально-освободительной борьбы. Особое внимание уделяется организаторской роли Ашекеева, его общественному авторитету и месту восстания в истории Казахстана. Однако исследование сосредоточено преимущественно на военно-политической истории восстания и не ставит целью анализ личности Ашекеева через его собственные свидетельства.

Отдельное направление исследований связано с изучением литературного и мемориального образа Бекболата Ашекеева. В статье Ж. Рақыша (Рақыш, 2016: 183–194) рассматривается отражение его фигуры в произведениях народных поэтов и акынов, посвященных событиям 1916 года. Автор показывает роль устно-поэтической традиции в формировании и сохранении памяти о Бекболате Ашекееве как одном из символов национально-освободительной борьбы. Особое внимание уделяется поэме «Бекболат», проблеме её авторства и процессу формирования героического образа руководителя восстания.

К формированию героического образа Ашекеева обращается также У. Калижанов (Калижанов, 2016: 116–148) в историко-публицистическом очерке «Мятежная степь». Используя архивные документы, воспоминания участников восстания и произведения народной литературы, автор реконструирует события Ушканырского восстания и представляет Бекболата как народного лидера, мужественного защитника интересов своего народа. Однако работа носит преимущественно мемориальный характер и направлена на популяризацию исторической памяти о событиях 1916 года и их участниках.

Современный центральноазиатский контекст проблемы представлен в коллективной монографии «The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution». Её авторы рассматривают восстание как проявление общего кризиса имперского управления в условиях Первой мировой войны и одновременно обращаются к локальной динамике событий. Для темы настоящей статьи особенно важны исследование Т. Уямы о сочетании колониального кризиса и военного фактора и работа А. Чокобаевой о восстании кочевого населения Семиречья. Эти исследования позволяют соотнести микроисторию Джайлымышевской волости с более широкими процессами, происходившими в Центральной Азии в 1916 году (Uyama, 2020: 27–44; Chokobaeva, 2020: 145–168).

Таким образом, анализ историографии показывает, что образ Бекболата Ашекеева формировался в нескольких исследовательских и мемориальных традициях: колониальной, советской, национально-исторической и литературной. Однако при всей известности его имени собственные свидетельства Ашекеева, сохранившиеся в материалах следственного дела № 510, до настоящего времени практически не становились предметом специального исследования. Между тем именно эти документы позволяют обратиться к изучению не только руководителя восстания и героя национальной памяти, но и реального человека, оказавшегося в центре драматических событий 1916 года.

Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть Бекболата Ашекеева одновременно как лидера восстания, обвиняемого в ходе колониального судебного процесса и символическую фигуру исторической памяти, проследив взаимосвязь между этими тремя образами в исторических источниках и коллективной памяти.

Бекболат Ашекеев: штрихи к биографии

Среди многочисленных участников и руководителей национально-освободительного восстания 1916 года в Семиречье особое место занимает Бекболат Ашекеев. Несмотря на то, что его имя прочно вошло в историческую память Казахстана и сегодня ассоциируется с борьбой против колониальной политики Российской империи, многие обстоятельства его жизни и деятельности до сих пор остаются недостаточно изученными.

Выступление казахского населения Джайылмышевской волости Верненского уезда летом 1916 года отличалось сравнительно ограниченными масштабами и продолжительностью. Тем не менее именно оно привлекло особое внимание колониальных властей и стало предметом масштабного судебного преследования. Уже 9 сентября 1916 года Бекболат Ашекеев был казнен через повешение, а газета «Туркестанские ведомости» сообщила об этом, назвав его «главарем бунтовщического движения киргиз» (Киреев и Шафиро, 1947: 133). Таким образом, ещё при жизни Ашекеев оказался в центре официального колониального нарратива о восстании.

Сведения о ранних этапах жизни Ашекеева крайне фрагментарны. В Казахской национальной энциклопедии (2004) приводится краткое упоминание: «Бекболат Ашекеулы (1848, по др. источникам 1843–9.9.1916), один из руководителей национально-освободительного движения 1916 г. 7–8 июля 1916 г. в Ушконуре собрал повстанцев, не желавших подчиниться указу царя от 25 июня 1916 г. о мобилизации казахов на тыловые работы» (Аяган, 2004: 387–388). Известно также, что он происходил из Старшего жуза, рода Жаныс, представители которого традиционно играли заметную роль в общественной жизни региона.

Дополнительные сведения содержатся в архивных документах. Так, в материалах Центрального государственного архива Республики Казахстан имеется упоминание о том, что в 1912 году Бекболат Ашекеев совершил хадж в Мекку (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3860. Л. 11).

Не менее интересны сведения о его социальном положении. Материалы следственного дела позволяют говорить о том, что Ашекеев принадлежал к числу наиболее влиятельных представителей местного сообщества. Он имел опыт волостного управления, исполнял функции бия и пользовался авторитетом среди населения. В условиях кризиса колониальной системы именно такие фигуры нередко становились посредниками между властью и обществом, а при обострении конфликта – потенциальными лидерами сопротивления.

Особого внимания заслуживают отдельные высказывания самого Ашекеева, зафиксированные в ходе следствия. Так, на одном из допросов он отмечал: «отец мой, как я сам знаю понаслышке, был ханом лет шесть или семь» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 510. Л. 443–445). Независимо от того, насколько точна эта информация с исторической точки зрения, сам факт подобного упоминания свидетельствует о сохранении памяти о принадлежности семьи к традиционной политической элите. В условиях разрушения привычных институтов власти подобные представления могли усиливать легитимность Ашекеева в глазах современников.

В этой связи представляет интерес вывод А. Галиева о том, что руководители народных выступлений конца XIX – начала XX века далеко не всегда принадлежали к сословию төре, однако могли выполнять важную сакрально-политическую функцию в глазах местного населения (Галиев, 2017: 242–249). Их авторитет основывался не столько на формальном происхождении, сколько на общественном признании и способности представлять интересы сообщества в кризисной ситуации.

Не менее важным является наблюдение Т. Далаевой относительно роли представителей туземной администрации в событиях 1916 года. Исследователь отмечает, что многие бывшие волостные управители, утратившие официальные полномочия, продолжали пользоваться влиянием среди населения и в условиях кризиса нередко переходили от сотрудничества с властями к поддержке протестного движения (Далаева, 2017: 229–242). Биография Ашекеева во многом соответствует этой модели.

Особую ценность для изучения личности Бекболата Ашекеева представляют материалы следственного дела № 510. В отличие от позднейших воспоминаний и историографических интерпретаций, они позволяют увидеть его глазами современников и услышать его собственный голос. Протоколы допросов, показания свидетелей и другие документы дают возможность реконструировать не только фактическую сторону событий, но и особенности поведения, мировоззрения и самоидентификации человека, оказавшегося в центре одного из наиболее драматических эпизодов восстания 1916 года.

Таким образом, фигура Бекболата Ашекеева оказывается значительно сложнее сложившегося впоследствии героического образа. За известным символом национально-освободительного движения стоит реальный человек со своей биографией, социальным опытом, религиозным авторитетом и собственным пониманием происходящих событий. Именно сочетание этих факторов во многом определило его место в истории восстания 1916 года.

Бекболат Ашекеев как лидер восстания

Вопрос о роли Бекболата Ашекеева в событиях 1916 года занимает центральное место как в материалах следственного дела № 510, так и в последующей историографии. Несмотря на относительно локальный характер выступления в Джайильмышевской волости, именно Ашекеев оказался главным обвиняемым по делу и единственным руководителем восстания, казненным уже в сентябре 1916 года. Это обстоятельство заставляет обратиться к вопросу: действительно ли современники воспринимали его как лидера движения или данный образ был сформирован в ходе следствия и последующей исторической памяти?

Начало организованного сопротивления в Джайильмышевской волости было связано с реакцией населения на указ от 25 июня 1916 года о мобилизации «инородческого» населения на тыловые работы. Согласно материалам дела, уже в июле 1916 года на территории Верненского уезда стали проводиться собрания представителей различных волостей, посвященные обсуждению дальнейших действий. Одним из наиболее значительных стал съезд, состоявшийся 7–8 июля в урочище Ушканыр.

По воспоминаниям и материалам следствия, именно на этом съезде было принято решение не подчиняться мобилизационным мероприятиям. Участникам было предложено не спускаться с летних пастбищ, не предоставлять рабочих и быть готовыми к сопротивлению в случае применения силы со стороны властей. Для закрепления решения присутствующие дали коллективную клятву – «бату» (Пясковский, 1960: 402–403).

Материалы следственного дела позволяют говорить о том, что Бекболат Ашекеев принимал активное участие в организации этих собраний. В ходе следствия многие свидетели связывали принятие ключевых решений именно с его именем. Так, допрошенный Нургали Джайнаков показывал, что на Ушканырском съезде Бекболат Ашекеев и Сят Ниязбеков находились среди наиболее авторитетных участников собрания и принимали участие в обсуждении дальнейших действий населения (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 510. Л. 51).

Особое значение имеют собственные показания Ашекеева, данные вскоре после ареста. В ходе допроса от 18 августа 1916 года он признавал поддержку решений участников собрания в урочище Ошакты и подчеркивал самостоятельный характер организации выступления (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 510. Л. 397 и об.). Эти показания свидетельствуют о его непосредственной вовлеченности в происходившие события и подтверждают наличие у него определенного авторитета среди участников движения.

Показательно, что центром обсуждения стало урочище Ошакты, где располагался аул самого Ашекеева. Само место проведения собрания свидетельствует о его особом положении среди населения. В традиционном обществе подобные собрания редко проводились случайно; выбор места зачастую отражал авторитет хозяина аула и его положение в местном сообществе.

В тех же показаниях упоминается использование белого знамени, которое, вероятно, выполняло функцию символа коллективного единства участников собрания. Сам факт

появления подобной символики свидетельствует о том, что происходившее воспринималось современниками не как обычный сход, а как политически значимое действие.

Вопрос о том, был ли Ашекеев избран ханом, остается дискуссионным. В ряде позднейших публикаций и воспоминаний подобное утверждение встречается, однако в материалах следственного дела прямых свидетельств избрания ханом не обнаружено. Более того, сам Ашекеев в ходе следствия подобных заявлений не делал. Тем не менее показательное другое: даже без формального избрания многие современники воспринимали его как главного руководителя движения.

Существенное значение имел и совершенный им хадж. В условиях традиционного казахского общества религиозный авторитет являлся важным элементом общественного признания и мог усиливать доверие населения к решениям лидера. В сочетании с опытом волостного управления и высоким общественным статусом это создавало дополнительные основания для восприятия Ашекеева как одного из руководителей движения.

На наш взгляд, лидерство Ашекеева объясняется совокупностью нескольких факторов. К моменту восстания он был одним из наиболее известных людей волости, обладал опытом управления, исполнял обязанности бия, пользовался уважением среди населения и имел значительный религиозный авторитет. Важную роль играли возраст и принадлежность к поколению старейшин, что в условиях традиционного общества усиливало его легитимность. Кроме того, память о принадлежности семьи к местной политической элите также могла способствовать восприятию его как фигуры, способной взять на себя ответственность за коллективные решения.

Таким образом, материалы следственного дела позволяют говорить о том, что лидерство Бекболата Ашекеева не являлось результатом исключительно последующей героизации. Уже летом 1916 года он воспринимался современниками как один из наиболее авторитетных представителей местного сообщества и один из руководителей сопротивления в Джаильмышевской волости. Именно это обстоятельство во многом предопределило его дальнейшую судьбу и превращение в главного обвиняемого по делу о восстании.

Бекболат Ашекеев как обвиняемый

Несомненный интерес представляют два сохранившихся допроса Бекболата Ашекеева – от 18 августа и 2 сентября 1916 года. Именно эти документы позволяют увидеть не только позицию следственных органов, но и самого руководителя восстания в условиях колониального судебного преследования.

В первом допросе, проводимом коллежским секретарем Кулишевым, Ашекеев достаточно откровенно описывает обстоятельства происходивших событий и не скрывает своей причастности к ним:

«Дней 5-6 тому назад молодежь Джаильмышевской волости... собралась в урочище Ошакты, где стоит мой аул, и там обсуждали вопрос о восстании... Я поддерживал и поощрял решение молодежи... Наше восстание было организовано самостоятельно... Собравшаяся на Ошакты молодежь имела белый флаг, но кто из них в руках его держал не знаю...» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 510. Л. 397 и об.).

На втором допросе, состоявшемся 2 сентября 1916 года и проводившемся уже мировым судьей Нестеровым, позиция Ашекеева заметно меняется:

«Вся волость была на съезде... Старики, в том числе и я, стояли за то, чтобы дать рабочих, а молодежь приняла обратное решение... В день стычки меня не было. Я отговаривал молодежь от бунта. Почему меня указало население как главного виновника – не знаю, хотя, очевидно, пожертвовать мною как стариком» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 510. Л. 444–445 об.).

Возникает вопрос: чем могут объясняться существенные различия между показаниями Ашекеева? Можно предположить, что на их содержание повлияли обстоятельства проведения обоих допросов. Первый допрос состоялся вскоре после ареста. Ашекеев находился под стражей, однако следствие ещё не приобрело окончательной процессуальной формы. Допрос проводил коллежский секретарь Кулишев – чиновник гражданской администрации низшего

ранга, не обладавший судебными полномочиями. Возможно, обстановка этого допроса отличалась от последующей судебно-следственной ситуации, а Ашекеев ещё не располагал полной информацией о характере предъявляемых ему обвинений и возможном наказании. Вместе с тем установить его субъективное восприятие опасности по тексту протокола однозначно невозможно.

Ко времени второго допроса следственная ситуация изменилась: власти уже располагали свидетельскими показаниями, а Ашекеев фигурировал как один из главных обвиняемых по делу. Поэтому различия в его ответах можно осторожно интерпретировать как возможную попытку уменьшить собственную роль в событиях. Отрицание руководящей роли, перенос инициативы на молодежь и подчеркивание статуса старейшины могли составлять линию защиты, однако имеющиеся документы не позволяют считать такую мотивацию доказанной.

Сопоставление двух протоколов выявляет существенные различия в зафиксированной позиции Ашекеева. В первом допросе он представлен как непосредственный участник событий и подробно описывает обстоятельства собрания в Ошакты; во втором заметно дистанцируется от роли организатора восстания. Меняется не только оценка собственной роли, но и обозначение происходившего: в первом случае говорится о «восстании», которое было «организовано самостоятельно», во втором – о волостном съезде, где старшее поколение будто бы выступало за выполнение требований властей. Это может указывать на смещение ответственности с авторитетных старейшин на молодежь, но не позволяет достоверно реконструировать личные мотивы допрашиваемого.

Основные различия между показаниями Бекболата Ашекеева, данными в ходе двух допросов, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ показаний Бекболата Ашекеева на допросах 18 августа и 2 сентября 1916 года [Comparative Analysis of Bekbolat Ashekeev's Testimonies during the Interrogations of August 18 and September 2, 1916]

Первый допрос (18 августа 1916 г.)	Второй допрос (2 сентября 1916 г.)
признаёт поддержку молодежи	отрицает руководящую роль
говорит о восстании	говорит о волостном съезде
подчёркивает самостоятельную организацию выступления	подчёркивает лояльность стариков
описывает события	выстраивает линию защиты
признаёт своё участие	стремится дистанцироваться от ответственности

Особого внимания заслуживает различие в саморепрезентации Ашекеева, зафиксированной в двух протоколах. В первом он предстаёт как человек, находящийся внутри событий и разделяющий настроения собравшихся. Во втором формируется иной образ – пожилого и благоразумного старейшины, пытавшегося удержать молодых людей от необдуманных действий. Фраза о том, что население решило «пожертвовать» им как стариком, могла быть связана как с попыткой смягчить ответственность, так и с особенностями передачи его слов переводчиком и составителем протокола. Поэтому говорить о сознательном конструировании этого образа можно лишь как о вероятной интерпретации.

Вместе с тем анализ протоколов показывает не только различия, но и важные элементы преемственности. Несмотря на изменение позиции, в обоих допросах Ашекеев не отказывается от принадлежности к своему сообществу и не перекладывает вину на конкретных лиц. Даже стремясь уменьшить собственную ответственность, он избегает прямых обвинений в адрес участников восстания. Такая линия поведения может

свидетельствовать о сохранении представлений о коллективной ответственности рода и волости, характерных для традиционного казахского общества начала XX в.

Сравнение двух протоколов показывает, что различия в показаниях нельзя сводить исключительно к отказу от прежних слов или к попытке обмана следствия. Их можно интерпретировать как отражение разных моделей поведения в изменившихся обстоятельствах. Между 18 августа и 2 сентября 1916 года процессуальное положение Ашекеева, по-видимому, стало более определённым и опасным для него; поэтому часть высказываний второго допроса могла быть направлена на снижение собственной роли в организации выступления. Это объяснение остается гипотезой, а не установленным фактом.

Следует учитывать и саму ситуацию допроса. Это была не только юридическая процедура, но и форма колониального взаимодействия, в которой позиции представителя имперской администрации и местного жителя были заведомо неравными. Для Ашекеева ответы могли быть способом одновременно объяснить собственные действия и уменьшить риск наказания. Однако степень осознания им возможного приговора и конкретные мотивы выбора той или иной версии событий источники прямо не фиксируют.

При этом важно учитывать, что оба протокола являются не буквальной записью речи Ашекеева, а результатом сложного процесса коммуникации между допрашиваемым, переводчиком и представителем колониальной администрации. Каждый из участников этого процесса в определенной степени влиял на содержание итогового документа. Следовательно, анализ допросов требует осторожности: они отражают не только позицию самого Ашекеева, но и логику следствия, заинтересованного в выявлении руководителей восстания.

В этом смысле протокол допроса следует читать как текст, созданный в условиях выраженной властной асимметрии. В нем могли соединяться позиция допрашиваемого, перевод и редакционная логика должностного лица, оформлявшего документ. Поэтому содержащиеся в нем признаки самооправдания или стремления сохранить достоинство являются исследовательской интерпретацией и требуют сопоставления с другими материалами дела.

В этом отношении два допроса Ашекеева позволяют поставить вопрос не только о ходе восстания, но и о поведении человека, оказавшегося между традиционным казахским обществом и колониальным государством. Их микроисторическая ценность состоит в возможности сопоставить две зафиксированные версии событий и проследить, как менялась репрезентация роли обвиняемого. При этом выводы о его внутреннем состоянии и мотивации могут иметь только вероятностный характер.

Бекболат Ашекеев как символ

Формирование образа Бекболата Ашекеева как символа антиколониального сопротивления происходило постепенно и зависело от менявшихся политических и историографических установок. Поэтому советский период целесообразно рассматривать не как единый этап, а как последовательность нескольких фаз мемориализации.

Особую роль в этом процессе сыграла советская политика памяти. Уже 23 июня 1926 года на заседании комиссии Казкрайкома ВКП(б), занимавшейся подготовкой к десятилетию восстания 1916 года, было принято решение воздержаться от юбилейных мероприятий до завершения сбора документальных материалов. Одновременно было постановлено обратиться через печать к участникам и очевидцам событий с просьбой присылать воспоминания и свидетельства (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 692. Л. 5). В дальнейшем, в рамках подготовки к двадцатилетию восстания, данная работа получила официальный характер. В постановлении Казкрайкома ВКП(б) восстание определялось как «важнейшее событие в истории национально-освободительной борьбы казахского народа против русского самодержавия, против политики национального гнёта и колониального грабежа» (АП РК. Ф. 811. Оп. 8. Д. 86. Л. 20–21). Среди юбилейных мероприятий предусматривались публикация воспоминаний участников и введение в научный оборот материалов судебно-следственных дел.

В 1920–1930-е годы преобладали сбор свидетельств, публикация документов и антиколониальная интерпретация восстания; в этой рамке складывался ранний героический образ Ашекеева как народного предводителя. В 1940-е – начале 1950-х годов оценки национальных движений стали осторожнее: восстание соотносили с тезисом о «прогрессивном значении» присоединения к России, а допустимые формы героизации ограничивались борьбой с царизмом и социальным угнетением. С середины 1950-х до 1980-х годов восстание вновь закрепились в научном и учебном нарративе как национально-освободительное и одновременно классовое движение; Ашекеев упоминался в ряду его признанных руководителей, хотя центральное место в общесоюзном каноне чаще занимал Амангельды Иманов. Таким образом, советская память не была неизменной: менялись акценты, язык описания и место отдельных лидеров в официальном повествовании.

Для настоящего исследования особый интерес представляет воспоминание С. Бекбулатова, посвящённое событиям в Джаильмышевской волости. Возникают важные вопросы, касающиеся его личности: кем был данный информант? Был ли он непосредственным участником или свидетелем событий? Имеет ли он родственную или политическую связь с Бекболатом Ашекеевым? В архивной копии объёмом 7 печатных страниц содержится лишь краткая информация о месте проживания автора – город Алма-Ата, улица Степная, 11.

Несмотря на отсутствие достоверных сведений об авторе, данный текст представляет значительный интерес для изучения механизмов формирования исторической памяти.

Воспоминания написаны в характерной для 1930-х годов советской риторике. Автор использует ярко выраженную антимонархическую лексику, подчёркивает классовые противоречия и стремится показать восстание как закономерный результат колониальной политики царизма. В тексте присутствуют реальные участники событий, упоминаемые также в материалах следственного дела № 510, однако одновременно обнаруживаются существенные фактические неточности в датировке событий и численности правительственных войск.

Центральной фигурой воспоминаний является Бекболат Ашекеев. Автор наделяет его чертами идеального народного лидера и защитника простых людей. Особенно показателен эпизод ареста, где Ашекеев обращается к своим соратникам со словами:

«Все равно нас теперь расстреляют, лучше вы молчите, ничего не говорите, о народе скажите – мы ничего не знаем, я сам буду отвечать» (АП РК. Ф. 811. Оп. 6. Д. 153. Л. 75).

В другой сцене ему приписываются рассуждения о причинах восстания:

«Восстание возникло не только из-за мобилизации, но в результате колонизаторской политики: отобрали лучшие земли, выгнали казахов в горы, обложили бедняков налогами наравне с баями. Сегодня вы хотите отрубить мне голову, но завтра отрубят вашу» (АП РК. Ф. 811. Оп. 6. Д. 153. Л. 76).

Трудно установить, насколько данные высказывания действительно принадлежат Ашекееву. Однако гораздо важнее другое обстоятельство: воспоминания С. Бекбулатова позволяют увидеть процесс формирования героического образа руководителя восстания уже через два десятилетия после событий 1916 года.

Таким образом, воспоминания С. Бекбулатова представляют ценность прежде всего не как источник фактической информации о событиях 1916 года, а как свидетельство раннего этапа формирования героического образа Бекболата Ашекеева в советской исторической памяти.

Продолжением этого процесса стала литературная героизация образа Ашекеева. Его имя получило широкое отражение в произведениях казахских поэтов – современников событий 1916 года. Особенно известны стихотворение Жамбыла Жабаева «Зілді бұйрық» («Зловещий указ») и поэма Исы Даукебаева «Бекболат». В этих произведениях Ашекеев выступает не просто участником восстания, а воплощением народного достоинства, символом сопротивления колониальному гнёту и защитником справедливости.

Как отмечает Ж. Рақыш, особое место в формировании исторической памяти занимает поэма «Бекболат», которая стала одним из наиболее известных художественных произведений о событиях восстания в Семиречье (Рақыш, 2016: 183–194). При этом исследователь обращает внимание на сложную текстологическую историю произведения и сохраняющуюся дискуссию относительно его авторства. Несмотря на это, значение поэмы определяется не столько её исторической достоверностью, сколько ролью в закреплении героического образа Ашекеева в общественном сознании.

К формированию героического образа Ашекеева обращается также У. Калижанов в историко-публицистическом очерке «Мятежная степь». Используя архивные документы, воспоминания участников восстания и произведения народной литературы, автор представляет Бекболата как народного лидера, сохранившего верность своим убеждениям до последних дней жизни. Тем самым очерк У. Калижанова демонстрирует сохранение и развитие сформировавшейся ранее традиции мемориального осмысления фигуры Ашекеева в современной казахстанской исторической культуре.

Показательно, что в большинстве мемуарных, литературных и публицистических произведений Бекболат Ашекеев выступает не как бывший волостной управитель, бий или участник конкретных событий августа 1916 года, а как воплощение коллективного сопротивления колониальному господству. Его личная биография постепенно уступает место символическому содержанию образа. Подобная трансформация характерна для процессов формирования коллективной памяти, когда историческая личность становится носителем более широких общественных смыслов и ценностей.

После обретения Казахстаном независимости интерес к личности Ашекеева заметно возрос. Его образ стал частью национального исторического канона, посвящённого борьбе казахского народа за свободу и независимость. Символическим выражением этого процесса стало переименование в 2001 году села Первомайское в село Бекболат (вблизи Каскелена, в 13 км от Алматы). Тем самым память о руководителе восстания получила не только литературное и научное, но и пространственное воплощение.

Таким образом, последовательно менявшиеся советские интерпретации, воспоминания участников событий, художественная литература и постсоветские мемориальные практики сыграли ключевую роль в формировании образа Бекболата Ашекеева как одного из символов движения 1916 года.

Заключение

Проведенное исследование позволяет по-новому взглянуть на личность Бекболата Ашекеева и выйти за рамки сложившегося в историографии и исторической памяти героического нарратива. Анализ архивных документов, материалов следственного дела № 510, опубликованных источников, воспоминаний участников событий и литературных произведений показывает, что образ Ашекеева формировался в результате сложного взаимодействия исторических обстоятельств, колониального судебного преследования и последующих мемориальных практик.

Реконструкция биографических сведений позволяет рассматривать Бекболата Ашекеева как одного из наиболее влиятельных представителей местного сообщества, чьё положение определялось сочетанием административного опыта, общественного авторитета и устойчивых связей внутри традиционного общества.

Материалы следственного дела позволяют по-новому оценить роль Ашекеева в событиях 1916 года. Анализ показаний свидетелей и собственных признаний обвиняемого свидетельствует о том, что уже летом 1916 года значительная часть населения воспринимала его как одного из руководителей движения. Следовательно, образ лидера восстания возник не только в результате последующей героизации, но имел реальные основания в восприятии его современниками.

Особое значение для исследования имеют два протокола допросов Бекболата Ашекеева от 18 августа и 2 сентября 1916 года. Их сопоставление выявляет различия в зафиксированной

позиции обвиняемого. Если в первом допросе Ашекеев подробно рассказывает о событиях и признаёт поддержку решений участников выступления, то во втором дистанцируется от роли организатора и представляет себя старейшиной, пытавшимся предотвратить конфликт. Эти различия можно предположительно связать с изменением следственной ситуации и возможной линией защиты, однако протоколы не позволяют достоверно установить его мотивы. Поэтому они важны не только как юридические документы, но и как источники, требующие критического анализа условий их создания, перевода и письменной фиксации.

Не менее важным результатом исследования стало выявление механизмов формирования образа Ашекеева в исторической памяти. Материалы советского периода, воспоминания участников событий, художественная литература и современные мемориальные практики позволяют проследить процесс его трансформации из участника локального выступления в один из наиболее узнаваемых символов движения 1916 года.

В результате проведенного исследования Бекболат Ашекеев предстает одновременно как лидер восстания, обвиняемый колониального судебного процесса и символ исторической памяти. Такое сочетание позволяет наиболее полно понять его место в истории восстания 1916 года и памяти современного Казахстана.

Материалы дела № 510 подтверждают высокий потенциал микроисторического подхода, позволяющего увидеть за масштабными историческими процессами конкретного человека и проследить трансформацию его образа от участника событий до символической фигуры национальной памяти.

Sources

CSA RK – Central State Archive of the Republic of Kazakhstan
APA RK – Archive of the President of the Republic of Kazakhstan

Источники

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
АП РК – Архив Президента Республики Казахстан

References

- Chokobaeva, 2020 — *Chokobaeva A.* When the Nomads Went to War: The Uprising of 1916 in Semirech'e. The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. Ed. by A. Chokobaeva, C. Drieu, A. Morrison. Manchester: Manchester University Press, 2020. P. 145—168. [in Eng.]
- Dalaeva, 2017 — *Dalaeva T.* Rol' kazakhskikh volostnykh upravitelei v vosstanii 1916 g. [The Role of Kazakh Volost Administrators in the Uprising of 1916]. Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoi Rossii: neizvestnoe ob izvestnom (k 100-letiyu Vysochaishego poveleniya 25 iyunya 1916 g.). Kollektivnaya monografiya. Red.-sost. T.V. Kotyukova. Moscow: Russkii Impul's, 2017. P. 229–242. [in Russ.]
- Galiev, 2017 — *Galiev A.A.* Rekonstruktsiya traditsionnoi sistemy vlasti v khode vosstaniya 1916 g. v Kazakhskoi stepi [Reconstruction of the Traditional System of Power during the Uprising of 1916 in the Kazakh Steppe]. Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoi Rossii: neizvestnoe ob izvestnom (k 100-letiyu Vysochaishego poveleniya 25 iyunya 1916 g.). Kollektivnaya monografiya. Red.-sost. T.V. Kotyukova. Moscow: Russkii Impul's, 2017. P. 242–249. [in Russ.]
- Ginzburg, 2000 — *Ginzburg K.* Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshogo v XVI veke [The Cheese and the Worms. The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 272 p. [in Russ.]
- Groznyi 1916 god, 1998 — *Groznyi 1916 god.* Sbornik dokumentov i materialov. T. 1 [The Grim Year 1916. Collection of Documents and Materials. Vol. 1]. Pod red. M. Kozybaeva. Almaty: Kazakhstan, 1998. 423 p. [in Russ.]
- Kalizhanov, 2016 — *Kalizhanov U.* Myatezhnaya step'. Pravda o vosstanii 1916 goda yazykom arkhivnykh dokumentov [The Rebel Steppe. The Truth about the 1916 Uprising through Archival Documents]. *Prostor*. 2016. No. 8. P. 116—148. [in Russ.]
- Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya, 2004 — *Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya* [Kazakhstan. National Encyclopedia]. Gl. red. B. Ayagan. Almaty: Qazaq entsiklopediyasy, 2004. P. 387–388. [in Russ.]
- Nurpeisov, 1993 — *Nurpeisov K.N.* Predvoditel' vosstavshikh v Semirech'e [Leader of the Rebels in Semirechye]. *Sovety Kazakhstana*. 13 July 1993. P. 5. [in Russ.]
- Rakhymqulov, 2024 — *Rakhymqulov D.A.* Bekbolat Ashekeiuly bastagan ult-azattyq koterilis [The National Liberation Uprising Led by Bekbolat Ashekeiuly]. *Otan Tarihy*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 150–171. DOI: 10.51943/2788-9718_2024_27_1_150-171. [in Kaz.]

Raqysh, 2016 — *Raqysh Zh.* Khalyq aqyndary shygarmalaryndagy Bekbolat beinesi [The Image of Bekbolat in the Works of Folk Poets]. 1916 zhylgy ult-azattyq koterilis: tarikhі manyzy, khalyq adebieti men onerindegi orny, quzhattyq dereknamasy atty khalyqaralyq gylmi-teoriyalıq konferentsiya materialdary. Qurast. P. Auesbaeva, N. Mursalimova. Almaty: Adebiet Alemi, 2016. P. 183–194. [in Kaz.]

Sapargaliev, 1966 — *Sapargaliev G.S.* Karatel'naya politika tsarizma v Kazakhstane (1905–1917 gg.) [Punitive Policy of Tsarism in Kazakhstan (1905–1917)]. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR, 1966. 374 p. [in Russ.]

Tileubaev, 2013 — *Tileubaev Sh.* Zhetisudagy 1916 zhylgy ult-azattyq koterilistın zhetekshileri zhoninde [On the Leaders of the 1916 National Liberation Uprising in Semirechye]. *Vestnik KazNPU imeni Abaya*. Seriya «Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki». 2013. No. 1 (36). P. 22–27. [in Kaz.]

Uyama, 2020 — *Uyama T.* Why in Central Asia, Why in 1916? The Revolt as an Interface of the Russian Colonial Crisis and the World War. The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. Ed. by A. Chokobaeva, C. Drieu, A. Morrison. Manchester: Manchester University Press, 2020. P. 27–44. [in Eng.]

Vosstanie 1916 goda v Kazakhstane, 1947 — Vosstanie 1916 goda v Kazakhstane. Dokumenty i materialy [The Uprising of 1916 in Kazakhstan. Documents and Materials]. Sost. F.N. Kireev, Sh.Ya. Shafiro. Alma-Ata: Izdatel'stvo AN KazSSR, 1947. 213 p. [in Russ.]

Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane, 1960 — Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane. Sbornik dokumentov [The Uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan. Collection of Documents]. Pod red. A.V. Pyaskovskogo. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 250 p. [in Russ.]

Литература

Восстание 1916 года в Казахстане, 1947 — Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы / сост. Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро. Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1947. 213 с.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, 1960 — Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов / под ред. А.В. Пяковского. М.: Издательство АН СССР, 1960. 250 с.

Галиев, 2017 — *Галиев А.А.* Реконструкция традиционной системы власти в ходе восстания 1916 г. в Казахской степи // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). Коллективная монография / ред.-сост. Т.В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017. С. 242–249.

Гинзбург, 2000 — *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.

Грозный 1916 год, 1998 — Грозный 1916 год. Сборник документов и материалов. Т. 1 / под ред. М. Козыбаева. Алматы: Казахстан, 1998. 423 с.

Далаева, 2017 — *Далаева Т.* Роль казахских волостных управителей в восстании 1916 г. // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). Коллективная монография / ред.-сост. Т.В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017. С. 229–242.

Казахстан. Национальная энциклопедия, 2004 — Казахстан. Национальная энциклопедия / гл. ред. Б. Аяган. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2004. С. 387–388.

Калижанов, 2016 — *Калижанов У.* Мятежная степь. Правда о восстании 1916 года языком архивных документов // Простор. 2016. № 8. С. 116–148.

Нурпеисов, 1993 — *Нурпеисов К.Н.* Предводитель восставших в Семиречье // Советы Казахстана. 1993. 13 июля. С. 5.

Рақыш, 2016 — *Рақыш Ж.* Халық ақындары шығармаларындағы Бекболат бейнесі // 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс: тарихи маңызы, халық әдебиеті мен өнеріндегі орны, құжаттық дерекнамасы атты халық. ғыл.-теор. конф. материалдары / құраст. П. Әуесбаева, Н. Мүрсәлімова. Алматы: Әдебиет әлемі, 2016. 183–194-б.

Рахымқұлов, 2024 — *Рахымқұлов Д.А.* Бекболат Әшекейұлы бастаған ұлт-азаттық көтеріліс // Отан тарихы. 2024. Т. 27. № 1. 150–171-б. DOI: 10.51943/2788-9718_2024_27_1_150-171.

Сапарғалиев, 1966 — *Сапарғалиев Г.С.* Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1966. 374 с.

Тілеубаев, 2013 — *Тілеубаев Ш.* Жетісудағы 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілістің жетекшілері жөнінде // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2013. № 1 (36). С. 22–27.

Chokobaeva, 2020 — *Chokobaeva A.* When the Nomads Went to War: The Uprising of 1916 in Semirech'e // The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution / ed. by A. Chokobaeva, C. Drieu, A. Morrison. Manchester: Manchester University Press, 2020. P. 145–168.

Uyama, 2020 — *Uyama T.* Why in Central Asia, Why in 1916? The Revolt as an Interface of the Russian Colonial Crisis and the World War // The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution / ed. by A. Chokobaeva, C. Drieu, A. Morrison. Manchester: Manchester University Press, 2020. P. 27–44.